

ЧИТАЕМ ПУШКИНА ВМЕСТЕ с «цифровым поколением»

Рисунки
к статье:
Евгения Двоскина

Татьяна Алпатова

Ключевые слова: цифровое поколение, современник, самоидентификация, «цифровые иммигранты», «цифровые аборигены»

*Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе.
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе...*

Александр Блок

Договоримся о терминах, или Стоит ли открывать «окно Овертона»?

Прежде чем говорить о том, что есть Пушкин для нас сегодня, попробуем понять, что такое «цифровое поколение». Это словосочетание повторяется столь часто, что уже воспринимается как термин. Хотим мы того или нет, принцип «окна Овертона»¹ в данном случае работает безотказно. К несчастью, в «цифровом веке» он оказался более соответствующим действительности, нежели старинная мудрость, будто «сколько ни говори “халва”, во рту сладко не станет». В век симуляций и симулякров — как известно из рекламы, «не запостила — не было, а запостила — было!» — существует лишь то, что названо, притом названо именно в «цифро-

вом пространстве», «вирусный» потенциал, заразительность которого многократно умножает силу названного и буквально «материализует» название, переводя его из виртуального мира в реальность.

Что же такое «цифровое поколение»? Предложивший этот термин американский писатель Марк Пренски² вкладывал в него несколько иной смысл — «цифровые аборигены» (Digital Natives), т.е. коренные жители века цифровых технологий. Определение специфической природы этих людей при этом давалось в противопоставлении их так называемым «цифровым иммигрантам» (Digital Immigrants) — поколению, родившемуся до наступления «цифровой эры», попавшему туда как бы «с другого материка» бытия. В этом смысле цифровое поколение — люди, родившиеся и живущие на протяжении всей своей жизни

¹ «Окно возможностей» — теория, согласно которой частое повторение понятий, неприемлемых для общества, в любых смысловых и оценочных контекстах постепенно делает их более «возможными» и «допустимыми» для общественного сознания.

² См.: Пренски М. Аборигены и иммигранты цифрового мира / Перевод А. Сотникова, А. Самарина, А. Барышева, Б. Ярмахова // <https://shkola30.livejournal.com/131666.html>.

«в окружении компьютеров, видеоигр, плееров, видеокамер, мобильных телефонов и Сети»... Это понятно, но основной вопрос: являются ли все перечисленные выше продукты индустрии высоких технологий только предментами, идёт ли речь лишь о своеобразном «что» или всё-таки о «как» — о том, как меняется человек, осуществляющий большинство своих жизненных и социальных функций с использованием этих технологий, воспринимает ли он мир как-то по-другому?

В рассуждениях об этом довольно легко почувствовать «двойные стандарты». Когда хочется доказать превосходство «цифрового поколения», авторы обычно эмоционально утверждают, насколько «иными» являются его представители, как это здорово, когда маленькая девочка может сама снять видеоролик, выложить его на YouTube, и он наберёт тысячи просмотров... Разумеется, ни Сократ, ни Пушкин, ни Лев Толстой этого не делали. Когда же начинают подниматься более жёсткие вопросы, чтобы избежать их, риторика меняется: «но ведь технологии — это же только инструмент, ведь с их помощью можно сделать столько хорошего...». Инструмент или не совсем инструмент, или даже совсем не инструмент — вопрос не для частного раздела статьи; если вдуматься, его масштаб соотносим с эпохой, потенциал этого вопроса неисчерпаем.

В данном случае меня заинтересовало другое: всё, что написано о «цифровом поколении», адресовано не ему и пишется не его представителями — конечно, «рыба не ихтиолог», но стоит задуматься — и достоверность выводов в рассуждениях по данному вопросу уже не кажется столь бесспорной.

Может быть, эта ситуация подсказывает нам перспективный и до сих пор не освоенный по-настоящему приём: сделать ставку на самих представителей «цифрового поколения», попросив их поразмышлять: что же они такое и каков в действительности их «запрос», адресованный как этому миру вообще, так и нам, взрослым, и нашему разговору

о Пушкине в частности. Уж если в информационном пространстве сегодня так муссируется этот термин, попробуем его использовать во благо — и нашим ученикам (ведь всякая попытка осознать себя, задача самоанализа во всяком случае, создаёт для человека некую «ситуацию роста»), а в перспективе и нашему уроку (попробовав сформулировать свой собственный уникальный запрос, ученик задумается, как можно построить урок — хоть на минуту оставив привычную пассивно-деструктивную позицию «Сделайте мне интересно!»).

Автор этих строк, собирая материал к статье, предложил мини-анкету студентам-третьекурсникам — будущим учителям истории и литературы. Свидетельствую — даже толком не подготовленная, экспромтом проведённая, без возможности посвятить этому достаточно времени, анкета вызвала большой интерес — в первую очередь открывавшим её вопросом: «Как я понимаю термин “цифровое поколение”?». И пусть юные респонденты в этой ситуации не всегда смогли до конца додумать ответ, выйти к оригинальному и «своему» решению проблемы, очень радовала реакция на сам факт того, что этот вопрос был им задан, что можно задуматься: «Кто я?», «Кто мы?» — как раз тот случай, когда процесс поиска ответа на вопрос куда важнее его результата...

Кстати, интересные результаты тоже были. Большинство ребят пошло по пути «историко-культурологического» объяснения: «цифровое поколение — поколение людей, которые родились после цифровой революции», «поколение детей Интернета», «новая форма информационной организации общества», «поколение, живущее в эпоху IT-технологий»... Уже здесь, если вдуматься, много возможностей и для размышлений о метафорах, и для культурологических, социологических, исторических экскурсов и «продолжений» возможного разговора — хоть в межпредметном диалоге, хоть в столь модных сегодня «проектах». Некоторые юные участники

опроса вышли и к психологическим проблемам — в цифровом поколении «практически нет страха, мы более смелые (в хорошем смысле этого слова)», в нём много «онлайн-визуалов» (определяя которых, студент отметил не только очевидное «клиповое сознание», но и «стремление к яркому самовыражению»!).

Такими видят они себя. И тем более любопытно, что, отвечая на вопрос, в каком разговоре о Пушкине они хотели бы участвовать, почти все по-разному сформулировали единую мысль: чувствовать внутреннюю близость Пушкина тому, чем живут они, о чём они думают, что заставляет их радоваться и приходить в отчаяние: «...ведь, по сути, схожего очень много»; «с чувством, с толком, с расстановкой. Вникая и проецируя на свою жизнь и жизнь своих друзей»... «Если бы я встретила с Пушкиным, мне кажется, что нет такого вопроса, на который он не дал бы мне ответ, в силу своего невероятного ума и удивительного юмора».

Пушкин — наш современник...

Когда в 1999 году отмечался 200-летний юбилей поэта, в очень многих статьях в той или иной форме вспоминались знаменитые слова Н.В. Гоголя: «Это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» («Несколько слов о Пушкине»). Разумеется, сравнение в данном случае может идти лишь по одному сценарию: вот 200 лет прошло, и что же мы видим?!

В свете вызова, который бросает нам тема, попробуем задуматься: а может быть, этим детям, которые и явились как раз «через двести лет» (любопытно, что «цифровое поколение», «поколение Z» нередко датируют как раз таким образом: люди, которые родились после 1999 года), и в самом деле может быть что-то близко и созвучно в Пушкине — только они об этом не знают и не ожидают там этого найти?

Рассуждая об этом, мы помним, разумеется, и слова другого критика, предсказавшего,

что у Пушкина можно найти «всё» (как, пожалуй, и в любой целостной художественной системе — «космосе» автора, претендующего на универсализм, — Гомера, Данте, Шекспира, Толстого, Достоевского, Чехова...).

И всё же в поисках «странных сближений» Пушкина и поколения его современных потенциальных читателей не будем забывать о том, что едва ли не подобно им поэт — также «визуал», что замечали очень многие, анализировавшие психологические истоки его образности. Он «видит» в мире даже то, что, кажется, видеть невозможно — звук («Мои стихи текут, // Свиваясь и журча...»³), вкус («И путник, брошенный ко дну, // Глокает мутную волну...»⁴)... Поистине в этом мире «над всем царит зрение» — воспринимаемая мир таким образом, Пушкин наследовал принципы яркой, зримой поэзии Державина, развивая при этом и своеобразную философию визуальности, представленную в конце XVIII века Карамзиным: «Глаз по своему образованию не может смотреть на себя без зеркала. Мы созерцаемся только в других предметах»⁵. «Визуал» воспринимает очень многое в зримом образе, всматриваясь в который, он ищет некую правду — не только об окружающем «объективном» мире, но прежде всего — о себе самом...

Возможно, интересным дополнением к разговору о визуальных возможностях

³ Пушкин А.С. Ночь: («Мой голос для тебя и ласковый и томный...») // А.С. Пушкин / Полное собрание сочинений: в 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. — 1947. — С. 289.

⁴ Пушкин А.С. Кавказский пленник: Повесть, 1820–1821 // А.С. Пушкин / Полное собрание сочинений: в 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 4. Поэмы, 1817–1824. — 1937. — С. 100.

⁵ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. — Л.: Наука, 1987. — С. 57.

восприятия Пушкина смогут стать рисунки поэта. Среди них не слишком много иллюстраций к собственным произведениям (хотя есть поистине удивительные — как знаменитый рисунок Гром-камня без скульптуры Петра Первого работы Фальконе, словно визуальный прообраз творческого импульса, из которого вырастает поэма «Медный всадник»). Много профилей, карикатур, росчерков, внешне «случайных» зарисовок — и как это похоже на то, что (с поправкой на современные «сюжеты» изображений) рисуют визуалы-подростки... Может быть, пусть они всмотрятся в пушкинские рисунки именно как визуальный, ёмкий, универсально-символический «ключ» к миру, воспринятому именно так? Может быть, они по-своему сумеют оживить эти рисунки (вспомним чудесные анимационные фильмы, снятые по рисункам поэта Андреем Хржановским — «Я к вам лечу воспоминаньем», 1977; «И с вами снова я...», 1980; «Осень», 1982).

Забавно, но даже пресловутое «клиповое сознание» — разумеется, не как болезненное расстройство восприятия и усвоения информации, но как особенность её лаконичного, ёмкого «упаковывания» в яркий, выпуклый, словно единственно возможный образ — опять-таки может оказаться ключом почти к любому пушкинскому описанию (точнее, объяснит нам, почему этих ожидаемых описаний у него никогда нет, а вместо них возникает своеобразная клиповая феерия, подобная хрестоматийному):

**... вот уж по Тверской
Возок несётся чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах⁶.**

⁶ Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах // А.С. Пушкин / Полное собрание сочинений: в 16 т. — М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. 6. Евгений Онегин. — 1937. — С. 155—156.

В современных исследованиях культурологов, социологов и психологов влияние цифровой среды на трансформацию личности «поколения Z» довольно часто связывается с принципиально новой самоидентификацией, потребностью не просто ощущать «я есмь», но формировать собственную идентичность, притом в цифровом мире⁷. Эта идентичность подвижна, неоднородна (в разных аккаунтах, в разных соцсетях, дома, в школе, в Сети и т.п. человек может представлять себя по-разному), она открыта непредсказуемой аудитории в цифровой среде (что более всего странно «цифровым иммигрантам» — «зачем вообще это всё выкладывать на всеобщее обозрение?»).

Опять-таки парадокс, но именно у Пушкина в русской литературе окончательно складывается особая авторская стратегия поведения, типологически подобная этому поиску и формированию идентичности. В этом смысле он довел до логического завершения то, что делали в конце XVIII века Державин и Карамзин, впервые переставшие прятаться за условными авторскими масками, предполагавшимися тем или иным жанром классицизма. Люди этого поколения впервые реализовывали собственную идентичность, не прятали себя, свою жизнь, свои неповторимые размышления, радости, горести, ошибки, даже своих близких, обстоятельства собственной частной жизни. Поначалу это казалось публике предельно дерзким, но именно эта открытость привлекла к ним уникально большое для того времени число читателей.

Это было удивительное время: заканчивала своё существование много веков господствовавшая в литературе эпоха нормативно-традиционалистского художественного сознания,

⁷ См.: Палфри Дж., Гасар У. Дети цифровой эры. — М.: Эксмо, 2011.

и ей на смену шла новая, индивидуально-творческая⁸, внутри которой живём и мы сегодня. Для Пушкина-автора, как и для нас, главное в творчестве не «правила», не заданная форма «жанра», а то самое «яркое самовыражение», о котором писал как об отличительной черте своего поколения один из моих респондентов.

«Я так живу, как и пишу, свободно и свободно», — говорил о себе Грибоедов, и всё это поколение столь живо переживало свободу именно потому, что впервые именно она становилась универсальной эстетической ценностью. «Я поэт» — и потому «я свободен», «я свободен» — и только в этом случае «я поэт».

Но «кто я?» — тут начинается «поиск» и «выстраивание» идентичности, которые мы видим в весёлой, близкой маскарадам эпохе рококо игре масками уже первого дошедшего до нас стихотворения Пушкина «К Наталье» (1813):

**Не владетель я Сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурю,
С колаком на волосах,
С кружкой, пивом налитюю,
И с цыгаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи⁹.**

Об этом поиске себя, поиске собственного слова о мире — и весь «Евгений Онегин», и «Повести Белкина», и «Дубровский», и «Ка-

⁸ Подробнее об этом см.: Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. — М., 1994. — С. 3–38.

⁹ Пушкин А.С. К Наталье: («Так и мне узнать случилось...») // А.С. Пушкин / Полное собрание сочинений: в 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 1. Лицейские стихотворения. — 1937. — С. 7.

ШКОЛА

питанская дочка». О поиске — вариантах ответа — надеваемых и отвергаемых масках/идентичностях — об ошибках на этом пути (кто от них застрахован?!). И, наверное, главное — об умении всё об этом рассказать — и ничего при этом не бояться.

Топ-5 «нельзя» в разговоре о Пушкине

В духе современной сетевой подачи материала осмелимся поиграть в формулировку такой «антипрограммы» чтения Пушкина вместе с цифровым поколением: есть ли вещи, которые почти гарантировано погубят наши самые искренние усилия «открыть книгу» именно в этом случае? Оговорюсь сразу: большинство этих формулировок, которые пришли и мне, и моим помощникам-студентам, раскрывают не какую-то личную злую волю выстроить обречённый на неудачу разговор о Пушкине. Парадокс, но сама система современного российского образования видится сейчас как «не-пушкинская», «анти-пушкинская», в которой «условия задачи» ставятся именно таким образом, чтобы пушкинский ответ не прозвучал, просто не смог прозвучать, «пробиться» в предельно очерченную структуру, лишь притворяющуюся живой, динамичной и готовой к развиту.

1. Нельзя бояться, говоря о Пушкине.

Его мир вообще — мир по-настоящему смелых людей, которых мы впервые видим припадшими к окнам лицейского класса («...завидуя тому, кто умирать // Шёл мимо нас...») и потом встречаем во многих и многих произведениях, вплоть до «Капитанской дочки» и стихотворения 19 октября 1836 г. «Была пора — наш праздник молодой...» —

